

БАНКРОТСТВО МОРГАНИСТСКОЙ ЛЖЕНАУКИ

Н. И. НУЖДИН

В историю биологической науки 1948 года войдет как год великого перелома, определившего качественно новый этап ее развития. Советская биологическая наука, развивающаяся на твердом фундаменте марксистско-ленинской философии, окончательно и бесповоротно разгромилавейсманизм-морганизм, бесплодный в своих исследованиях и реакционный в своих выводах. На сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина в 1948 г. с исчерпывающей убедительностью было показано, что единственным научным, прогрессивным направлением в биологии является советский творческий дарвинизм, мичуринская биологическая наука, созданная социалистическим строем и обслуживающая социалистическое производство.

После сессии ВАСХНИЛ всему миру стало ясно, что ложное течение в науке — морганизм — стремительно катится к своему бесславному концу вместе со всеми другими порождениями идеологии умирающего капитализма. Это ясно всем здравомыслящим ученым мира. Только морганисты делают вид, что им это не ясно, и судорожными усилиями пытаются задержать агонию своей квазинауки. Типичным образцом подобных судорожных, бесплодных усилий является вышедшая в США книга «Генетика в 20 столетии. Статьи о достижениях генетики за первые 50 лет ее существования»¹.

Повод появления этого тома любопытен. В сентябре 1951 г. американское генетическое общество провело специальное заседание по случаю «Золотого юбилея генетики» — пятидесятилетия второго открытия «законов» Менделя, с которого морганизм ведет свое летосчисление. Вокруг юбилея морганистами был поднят большой шум, долженствующий заманить обсуждение бесславных итогов морганизма. Из докладов, представленных к этому юбилейному заседанию, и составлен сборник, имеющий задачей поднять упавший авторитет американской лженауки.

С этой целью к участию в сборнике привлечены самые ярые противники передовой науки о наследственности, злобствующие мракобесы, не раз клеветавшие на мичуринскую науку, весь синклит современного морганизма — от «теоретиков» Меллера, Добржанского и Дарлингтона до «практиков» евгеники и расизма — Гэксли и Пенроза. Статьи, представленные в сборнике, действительно, как в зеркале, отражают итоги современного менделизма. Итоги эти весьма жалки.

Первое, что бросается в глаза при просмотре указанного тома — это стремление затушевать ту реакционную роль, которую выполняет современный морганизм, являющийся воинствующей формой идеализма в биологии. Борьба мичуринской биологии с морганизмом не является борьбой двух точек зрения в науке, а борьбой двух непримиримых мировоззрений — материализма против идеализма, науки против мистики. Разоблачение морганистов как прислужников реакции, творящих антинародное дело, вызвало переполох в их лагере. Не будучи в состоянии опровергнуть очевидные всем факты, морганисты решили ослабить силу удара лживыми словами, замазать правду, приукрасить морганизм и обмануть общественное мнение.

¹ Genetics in the 20th century. Essays on the progress of genetics during its first 50 years. The Macmillan Company. New York, 1951.

Поэтому с исключительной назойливостью подчеркивается, что морганизм является итогом развития мировой науки, результатом многолетней деятельности ученых стран мира, якобы свободно выражающих свое научное мнение. Достаточно ознакомиться с редакторским вступлением проф. Дэнна, чтобы увидеть к каким крапленным картам вынуждены прибегать морганисты. «Экспериментальная, аналитическая и теоретическая работа, подготовившая основы для статей настоящего тома, была проведена в разных странах мира людьми, различающимися по языку, религии, политическим и социальным взглядам». Разве это не подделка под народность! Как будто реакционеры, говорящие на разных языках, становятся лучше реакционеров, говорящих на одном языке. Да и разным является только произношение, а содержание остается одним и тем же, изложены ли морганистские доктрины по-английски, немецки или португальски, католиком или буддистом. Такой фальшивкой думают обмануть читателя, рассчитывая на его наивность и доверие.

Этой же цели служит и модернизированная оценка деятельности основоположников морганизма. Для отвода глаз делается заявление, что основоположник лженауки о неизменной и бессмертной зародышевой плазме — Вейсман создал всего лишь серию спекулятивных гипотез и его взгляды «нуждаются в переоценке», а морганисты всего лишь просто «привыкли» связывать имя Вейсмана с фразой «непрерывность зародышевой плазмы» и только «вежливо раскланиваясь в его сторону», занимаются своими делами. Как будто современный морганизм действительно к существенном чем-то отличается от вейсманизма и построен не на спекуляциях, а на фактах. Или нарочито подчеркивается как новость, что Морган де вначале резко выступал против того, что так называемое «вещество наследственности» сосредоточено в хромосомах и только под напором «фактов» вынужден был принять «хромосомную теорию» наследственности.

Исключительной по своей ловкости является перекраска Менделя в либерала и защитника прогресса. Проф. Илтис в своей статье настойчиво рекламирует Менделя как выходца из народа, который и после того, как стал игуменом и сенатором, «оставался другом народа, человеком народа». Больше того, «Мендель был последователем либеральной партии и голосовал с этой партией на выборах. Для католического священника и прелата было необычным называться либералом, и Мендель, который был уже запоздренный как дарвинист, страдал за свои убеждения». И вот этого-то новоявленного «друга бедных», «либерала» и «дарвиниста», который, будучи игуменом, а по совместительству главой Баварского ипотечного банка (о последнем, конечно, не пишется), «Лысенко и его окружение называют реакционером». Где же справедливость? — разводит руками Илтис.

Все это ширма, за которой морганисты пытаются спрятать реакционную сущность своей лженауки. Однако эту реакционность нельзя скрыть никакими завесами. Она в делах морганистов, в их пятидесятилетней деятельности, золотой юбилей которой они праздновали.

В связи со статьями по истории морганизма, помещенными в томе, хотелось бы остановиться на работе Кэстла «Начало менделизма в Америке». Предаваясь воспоминаниям, автор не забыл и о своих проведенных совместно с Филиппсом опытах по пересадке яичников от черной морской свинки к белой — альбиносу и результатах ее скрещивания с самцом-альбиносом. Кэстл так описывает результат своих опытов, насчитывающих уже сорокалетнюю давность. Была проведена «удачная трансплантация яичников от неполовозрелой черной свинки к кормящей матери альбиносу, которая затем была скрещена с самцом-альбиносом. В следующем году эта пара дала три помета молоди — все окрашенные в черный цвет. Это показывает, что черный яичник прижился и функционировал, не изменившись в теле альбиноса, поэтому Вейсман был прав,

утверждая, что зародышевые клетки являются отличными от клеток тела и только симбионтами с ними. Таким образом, унаследование приобретенных признаков невероятное.

Мы привели эту цитату самого автора опытов для того, чтобы ниже показать, как на протяжении 40 лет Кэстл, а вслед за ним и его единомышленники, обманывали и продолжают обманывать читателя, описывая то, чего не было в действительности.

Эта фальсификация фактических данных, с которой можно встретиться в десятках учебников и руководств по морганистской генетике, потребовалась для того, чтобы убедить читателя в истинности вейсмановских спекуляций. С этой целью вспомнил через 40 лет и Кэстл о своих опытах, солгав и на этот раз.

Чтобы не быть голословным, обратимся к описанию результатов эксперимента Кэстла и Филиппса, приведенного в учебнике «Генетика животных» Кру (1931): «Из серии опытов Кэстла и Филиппса мы видим, что влияние соматического обмена веществ на зародышевые клетки имеет весьма ограниченный характер». Пусть даже так, но это уже иное, чем утверждает Кэстл и иже с ним.

А вот и описание самого фактического материала: «После того как свинка-альбинос вполне оправилась от второй операции, она была помещена вместе с самцом-альбиносом, с которым оставалась до ее смерти, которая последовала, примерно, год спустя. 23 июля, через 198 дней после операции она родила двух молодых самок. Одна из них была черная, с несколькими рыжими волосами, другая же также была черная, но имела рыжеватые участки на теле и правую ногу белого цвета. 15 октября свинка-альбинос родила третьего потомка — самца, который, так же как и ранее рожденные, имел несколько рыжих, перемешанных с черными, волос. 11 ноября 1910 г. было замечено, что свинка опять беременна... К сожалению, 2 февраля она умерла от пневмонии, имея в матке трех вполне выросших детенышей. Шкурки этих животных были сохранены; так же как и остальные три свинки, они были черного цвета, с небольшим количеством рыжих, перемешанных с черными, волос... Дочь свинки-альбиноса была случена с ее отцом-альбиносом и дала трех молодых свинок — в том числе два альбиноса и одну черную свинку с несколькими рыжими волосами» (стр. 320—321).

Все сказанное Кру о результатах, полученных Кэстлом и Филиппсом, очень далеко от того, что преподносит читателю Кэстл в 1950 г. или что преподносили морганисты ранее. Ни в одном помете не было получено чистых черных свинок; подобные утверждения просто являются ложью. Кру, пытаясь выйти из трудного положения, ищет объяснений, почему же появились свинки с рыжими волосами и даже пятнами, откуда взялось белое животное; но все его объяснения — пустая игра слов. Кого могут удовлетворить рассуждения, что «дети свинки, которой была сделана прививка, были точно такого же цвета, какого были бы дети черной свинки, от которой был взят материал для прививки, если бы она не подверглась операции, а была бы случена с самцом» (стр. 322).

Не слишком ли много «бы»? Если о действительных потомках, которых видал сам Кэстл, он решаете говорить столь очевидную неправду, то что вообще можно сказать о потомках свинки, лишенной яичников?

В целом же «классические» эксперименты Кэстла и Филиппса позволяют сделать два вывода: 1) признать, что в результате пересадки «черных» яичников белой свинке возникают измененные яйцеклетки, из которых развивается измененное потомство, причем это изменение сохраняется и в следующих поколениях; 2) или признать, что выводы об отсутствии влияния сомы на зародышевые клетки, распространяемые морганистами на основании опыта Кэстла, ложны, так как эти опыты ничего не говорят, поскольку они выполнены на генетически нечистом

материале. Кстати, напомним, что на нечистоту материала, использованного в опытах Кэстла, указывал еще в 1913 г. Шульц. Во всяком случае, не кстати вспомняемые Кэстлом опыты ни в какой мере не подтверждают спекуляции Вейсмана и морганистов об изолированности зародышевой плазмы и не отвергают возможности унаследования приобретенных признаков.

Необходимо подчеркнуть, что с опровержением данных по наследованию приобретенных признаков у морганистов получается один конфуз за другим. В свое время они много писали об экспериментальной несостоятельности «ламаркистских» опытов Гюйера и Смиса и исследований Броун-Секара. И только много времени спустя, когда было придумано объяснение фактам, добытым в этих исследованиях, исходя из морганистских концепций, морганизм объявил о правильности, больше того — об экспериментальном подтверждении этих данных. В настоящее время морганисты вытаскивают на свет устаревшие опыты Кэстла, пытаясь использовать их в качестве экспериментального подтверждения идеалистических спекуляций Вейсмана о существовании в каждом организме двух независимых друг от друга плазм.

Мы остановились так подробно на этом вопросе потому, что не только Кэстл, но и многие авторы статей разбираемого «юбилейного» тома считают для себя обязательным остановиться на вопросе об унаследовании приобретенных признаков, в унисон повторяя: «приобретенные признаки не наследуются!». К сожалению, они не приводят, подобно Кэстлу, своих «экспериментальных данных», ограничиваясь более безопасным оружием — пустословием. Мы не в претензии к ним за то, что в дни своего бесславного юбилея они вспомнили об этом больном для морганизма вопросе. Пятьдесят лет, целое полу столетие наиболее бурного своего развития, морганизм потратил на «доказательства» антинаучного положения о ненаследовании приобретенных признаков, положения, выдвинутого Вейсманом еще в 80-х годах прошлого века. И все впустую. Мичуринская наука показала не только теоретическую несостоятельность этих утверждений, но и научила людей, как можно направленно изменять организмы, получая нужные формы животных и растений. Одного этого достаточно, чтобы придти в состояние буйного помешательства. И вожаки морганизма буйствуют против мичуринской науки, клеветуют на нее, сулят ей всевозможные кары.

Едва ли есть необходимость подробно останавливаться на 50-летних итогах теоретических спекуляций морганизма, хорошо известных советским биологам, — это реакционные спекуляции Вейсмана, несколько перефразированные, которым морганисты попытались придать наукообразную форму, подогнав их под уровень и понятия современной науки.

В наиболее чистом виде «достижения» морганизма изложены в статье Р. Гольдшмидта «Влияние генетики на науку». Гольдшмидт сводит результаты генетики к следующим пяти пунктам: 1. Установленное впервые Иогансенем ясное разделение изменчивости на наследственную и ненаследственную, генотипическую и фенотипическую. Такое понимание «полностью исключает любую возможность унаследования приобретенных признаков». Гольдшмидт фактически сводит на-нет и роль условий жизни. Недаром он подчеркивает: «Часто можно слышать, что организм есть продукт наследственности и окружающих условий. Я не могу согласиться с этим». Таков первый итог достижений современного морганизма. 2. Большим достижением морганизма по Гольдшмидту является «установление мутаций в качестве доказанного способа наследственных изменений». Другого способа наследственных изменений Гольдшмидт даже не мыслит. 3. Основным результатом экспериментальных исследований морганизма по Гольдшмидту является «окончательное доказательство старой идеи, что материальная основа наследственности локализована в хромосомах». 4. Установление полярности хромосомы, ее диф-

ференцировки по длине и связь мутаций с отдельными участками хромосомы. «Таким образом,— пишет Гольдшмидт,— наименьший известный участок, содержащий один мутантный локус, становится единицей в структуре хромосомы, которая называется геном». 5. Наконец, последним обобщением, по выражению Гольдшмидта, «статической генетики» является установленная тенденция пары гомологичных (материнской и отцовской) хромосом к обмену участками.

Таковы, по мнению Гольдшмидта, важнейшие обобщения генетики, вытекающие из результатов 50-летних экспериментальных исследований. Однако это только обман читателя. Если не всему, то многому из сказанного Гольдшмидт не верит и сам. Он по-просту решил не выносить сора из избы в такое тяжелое для морганистов время. Поэтому не случайно изумился рецензент «Nature», прочитав подобные утверждения Гольдшмидта. «Это является большой неожиданностью со стороны человека, который в прошлом со своих позиций творческой критики был склонен постоянно опережать события и недооценивать имеющиеся достижения».

И действительно, есть чему подивиться. За последние 10—15 лет Гольдшмидт многократно выступал с критикой теории гена, нацело отвергая эту существенную часть морганистской «науки». Еще в 1946 г. он писал: «В течение последнего десятилетия многие генетики поняли, что классическая теория корпускулярного гена, т. е. реальное существование отдельных телец, расположенных в виде бусинок вдоль по хромосоме, более не соответствует фактам»². Это ни в какой мере не означает, что Гольдшмидт занимает в вопросах наследственности более прогрессивные позиции, чем другие морганисты. Его спор с морганистами о генах напоминает известный гейневский диспут между раввином и капуцином. Отрицая гены в качестве единиц наследственности, он рассматривает хромосому такой единицей. Больше того, он вместо генов строит целую иерархию линейных и полярных структурных единиц в хромосоме. Это такая же метафизика, как и учение о генах.

Важен сам факт странной забывчивости Гольдшмидта. Упомянутый выше рецензент пытался оправдать эту забывчивость следующим образом: «Будем надеяться, что это лишь естественное следствие приподнятой атмосферы юбилейного торжества и никак не продиктовано стремлением ответить на нападки, которым подвергается генетика в настоящее время». Поистине, «На воре шапка горит»! Хотел замазать истинную причину, а вместо этого выдал Гольдшмидта с головой.

Пример с Гольдшмидтом служит лишь иллюстрацией общей тенденции авторов сборника, которые из кожи лезут вон, чтобы создать видимость благополучия в развитии теории морганизма. Однако из всех статей ясно, что морганизм как научная теория рухнул. Под напором новых фактов расплывается основа основ морганизма — хромосомная теория наследственности, детище морганизма, выношенное в течение десятков лет. Приходится проявлять много ловкости и искусства для того, чтобы уложить факты «упрямой» природы в прокрустово ложе надуманных схем. Разве не таким насилием над фактами является попытка Меллера придать главенствующую роль в наследственности хромосомам. Достаточно вчитаться в его формулировку: «Хотя мы должны сегодня отметить, для ограниченной группы случаев, наследование через некоторые цитоплазматические включения так же как и через ядерный материал, мы все же должны согласиться... что главным местом наследственного материала является хроматин ядра у организмов, у которых существуют ядра». И тут же сам вынужден добавить, что у растений

² R. B. Goldshmidt. Position effect and the theory of corpuscular gene. «Experientia», v. 2/6, 1946.

регулярно присутствует «несколько различных сортов локализованных в цитоплазме генов».

С еще большей определенностью заявляют о цитоплазматических структурах, таких как хондриосомы, митохондрии, играющих роль в наследственности, Бидл, Эфрусси, Соннеборн и др. Некоторые из них, под напором фактов вынуждены отрицать автономию генов. «Сегодня очевидно, пишет Эфрусси,— что автономия любых клеточных включений может быть только относительной и что даже выражение «ген как основа жизни» является лишь революционным (?) лозунгом, который не должен застилать концепции «клетка как целое».

Новые теоретические спекуляции морганизма — это латанье кафтана, сшитого из недоброкачественного материала. Если десятилетие назад хромосомы объявлялись единственными носителями наследственности, в которых прочно были упакованы гены — единицы наследственного вещества, то теперь эти единицы в форме так называемых цитогенов, плазмогенов и т. п. помещаются морганистами всюду: в ядре, протоплазме и даже культуральной среде, откуда они вновь могут попадать в организм.

Нельзя не отметить, что рухнули надежды морганистов и на цитохимические исследования. Последние также противоречат их спекулятивным концепциям. Одним из основных положений морганизма было представление о равно-наследственном делении хромосом. Последние во всех клетках тела, включая и зародышевые клетки, объявлялись равнозначными. Это только копии с хромосом оплодотворенной яйцеклетки. Морганисты выключили хромосомы из основного процесса, характерного для всего живого, каждой его частицы — обмена веществ. А что получилось в итоге?

В работе Мирского указывается, что в результате химического изучения хромосом установлено, что в состав последних из протеина входят протамины и гистоны, при этом оба названных протеина могут участвовать в построении хромосом. Это позволяет автору сделать весьма интересный вывод о том, «...что различные клетки животного могут иметь большие различия в строении хромосом». На сей раз это не спекуляция. Установлено, что у лосося и петуха хромосомы спермиев содержат протамин и не содержат гистона, тогда как хромосомы соматических клеток этих организмов, наоборот, содержат гистоны и лишены протамин. Спрашивается, что же осталось от метафизического постоянства и непрерывности хромосом?

Таков итог экспериментальных исследований и теоретических построений морганизма, с которым он пришел к своему «золотому юбилею». Действительно, «много шума из ничего» подняли морганисты в дни юбилейных торжеств.

Может быть морганизм оказал исключительное влияние на сельскохозяйственную практику, помогать которой призвана генетика? Редактор тома, определяя достижения морганистской генетики, скромно намекнул «на некоторые ее применения в сельском хозяйстве». Что же это за применения? Последнее видно из следующего заявления Гольдшмидта: «Известно, что животноводы и растениеводы столетиями применяли бесосознательно, но с успехом такие генетические методы как скрещивание и отбор. Появление генетики не ввело совершенно новых методов в сельскохозяйственное производство, но подвело под старые эмпирические методы количественную основу. Это обеспечило понижение генетических идей в практику разведения».

Горькое, мало утешительное признание. Но если это так, то спрашивается, какое же имеет отношение сказанное к юбилею вторичного открытия менделевских законов? Судя по статье Циркла, скрещиванием и отбором люди занимались с древнейших времен, а Дарвин указывает, что уже в книге Бытия даны правила по разведению белых и пегих овец.

Не точнее ли было морганистам вести летосчисление своей науки не с 1900 г., а от Адама или во всяком случае от Ноя?

Однако Гольдшмидт мог и ошибаться — он слишком далек от практики. Посмотрим, что пишут те, кто непосредственно связан с практикой, каково их мнение?

В статье «Генетика и растениеводство» проф. А. Мюнтцинг вынужден, как и Гольдшмидт, признать, что имеющиеся успехи сельскохозяйственной практики достигнуты без морганизма, вернее, помимо морганизма. Это видно из следующего заявления: «Хорошо известно, что классические методы селекции — отбор в спонтанных популяциях, так же как и отбор в популяциях, полученных путем гибридизации, привели к многочисленным улучшенным сортам большого экономического значения» и далее «классические методы селекции все еще имеют преимущественное значение».

Все же морганисты считают, что и ими сделан известный вклад в селекционную практику. «Развитие генетики и цитологии, — утверждает Мюнтцинг, — выдвинуло новые методы селекции». К числу таких методов, выросших на почве морганизма, относится разработанный способ получения индуцированных мутаций в результате воздействия различными видами излучения, а также получения искусственных полиплоидов, т. е. организмов с увеличенным по сравнению с нормой числом хромосом.

У животных, как нам известно, в результате применения рентгеновских лучей был получен одноухий кролик, чем и ограничился весь успех. Что касается растений, то лучше предоставить слово самому проф. Мюнтцингу, который пишет, что «...индуцированные мутанты имеют пониженную жизнедеятельность... отрицательный эффект и являются бесполезными с практической точки зрения». Яснее сказать трудно.

Еще шире рекламируется искусственная полиплоидия. Морганисты, заведя селекцию в тупик, увидели в полиплоидии ключ к решению всех проблем селекции. «Эпидемией» полиплоидии еще и сейчас охвачены многие исследователи и учреждения в капиталистических странах. Получено много самых разнообразных полиплоидных растений, но они остаются в недрах лабораторий и не выходят в практику. Причина ясна. Как утверждает Мюнтцинг, положение с полиплоидией «...почти такое же, как и с индуцированными мутациями, ...большинство индуцированных полиплоидов не имеет практической ценности».

После всего сказанного нельзя рассматривать иначе, как злую иронию над практическими успехами морганизма, следующее заявление Гольдшмидта: «То, что генетика сделала для сельского хозяйства и несомненно еще сделает, является одним из ее подвигов, которым мы все гордимся». С скромностью, как видим, морганисты не отличаются...

Среди статей, помещенных в сборнике и имеющих отношение к практике, особо выделяется статья Мангельсдорфа, озаглавленная «Гибридная кукуруза, её генетическая основа и её значение в деятельности человека». Статья содержит все элементы «американизма» от торгашеской рекламы, которая должна помочь сбыту американской гибридной кукурузы, до проповеди мальтузианства и запугивания людей грозным им голодом и страданиями в недалеком будущем, если они не будут сейчас закупать семян гибридной кукурузы.

Автор одержим манией безудержного хвастовства о «великой миссии» Америки, якобы спасшей в послевоенные годы при помощи гибридной кукурузы американскую культуру и европейскую цивилизацию. Недаром все эпохальные открытия в области медицинской биологии он объявляет мелочью по сравнению с разработкой метода получения гибридной кукурузы, которая, по утверждению автора, спасла «миллионы жизней за этот период мировой истории».

И все это благодаря менделизму, на принципах которого якобы и

основана работа с гибридной кукурузой. Именно кукуруза призвана не только прославить Менделя, подкрепить его пошатнувшийся в науке авторитет, но и спасти отживающий свой век капитализм. Так, через кукурузу менделизм стал главным защитником капитализма его спасителем от коммунизма. «Западная Европа стала менее восприимчивой к коммунизму потому,— глубокомысленно изрекает сей писака,— что гибридная кукуруза дала возможность Новому Свету придти на помощь Европе во время большой нужды. Таким образом, принципы наследственности, открытые Грегором Менделем в 1865 г. и переоткрытые в 1900 г., стали играть важную, хотя и не сразу заметную роль в задержке распространения коммунизма в Европе. Вероятно, неприязнь русских к менделевским законам и современной генетической теории является не безосновательной».

Не будь это помещено в сборнике, претендующем на научное издание, редактируемом проф. Л. Дэнном, можно было подумать, что это выписка из каких-то новых «Записок из сумасшедшего дома». Разве это не похоже на рассуждения Гоголевского Поприщина: «Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге и прескверно делается... Делает её хромой бочар, и видно, что дурак никакого понятия не имеет о луне». Уже не Мангельсдорфа ли имел в виду тоголевский герой?

Нет, молодчики из Пентагона выглядят куда талантливее. Ограбив маршаллизованные страны и посадив народ Европы на американскую мамалыгу, они знают, что долго удержаться и грабить народ будет трудно. Поэтому мамалыга ими хорошо сдобрена, правда не маслом, а изрядным числом солдат, фактически оккупировавших маршаллизованные страны. Американский автомат, а не гибридная кукуруза, является опорой пресловутой американской культуры.

Что же касается кукурузного благоденствия, то оно красочно описано автором на примере Мексики. Американские торгаши в первую очередь бросили кукурузу в страны Южной Америки, в том числе в Мексику, где наступило истинное изобилие, которое, по описанию автора, выглядит следующим образом: «Для миллионов мексиканцев... кукуруза является буквально основой жизни; насущным хлебом, который едят три раза в день, 365 дней в году... Мексиканские труженики, когда они могут получить его, потребляют около двух фунтов в день. Когда кукурузы много, мексиканцы счастливы и стносительно процветают. Когда её нехватка — возникает смута и угроза устойчивости правительства». И это преподносится как пример, которому надо следовать. «Опыт Мексики показал, что наиболее эффективным для начала сельскохозяйственной революции является улучшение зерновых путем применения генетических (т. е. морганистских.— Н. Н.) принципов».

Автор не случайно сослался на «опыт» Мексики. По его мнению, хорошо, если бы и впредь оставалось так, но в действительности, пишет он, это только паллиатив, так как впереди миру угрожает повальный голод. Слишком быстро растет население земного шара — 22 миллиона человек ежегодно прироста. «Проблема населения и снабжения пищей в настоящее время становится одной из наиболее острых и спешных мировых проблем». Напрасно, мол, думают оптимисты, что Соединенные Штаты одни могут прокормить мир, так не будет, поскольку «...экспорт пищи в действительности есть экспорт нашего постоянного плодородия почвы». Морганист, как ни прикинет, у него обязательно вытекает мальтузианство. То население растет с беспрецедентной быстротой, то вмешивается «закон убывающего плодородия почвы» или медицина, спасающая людей от преждевременной смерти.

Полугав человечество предстоящими ужасами голода, Мангельсдорф указывает и те мероприятия, которые оно должно предпринять для своего спасения. Прежде всего ограничить рождаемость, поставить ее под контроль. Это мечта всех мальтузианцев. Затем научиться полнее утили-

зировать солнечную энергию, бесцельно растрачивающуюся в своей массе. Вопрос для Мангельсдорфа только в том, успеет ли человечество решить эти две проблемы прежде, чем его настигнет голод. И здесь, в качестве спасительницы, на сцену вновь выплывает гибридная кукуруза, которая «будет иметь даже большее значение для человечества, чем это было в прошлом». Автор готов кричать: «Закупайте скорее гибридную кукурузу, в этом ваше спасение», имея в виду в первую очередь спасение американской экономики. Подчинив экономику страны военным целям, поневоле приходится «...налогами поддерживать цены» на сельскохозяйственные продукты. И Мангельсдорф кричит о трудностях.

Мальтузианством и евгеникой пропитан целый ряд статей сборника даже таких, в которых встретить эти вопросы трудно было и ожидать. Оказывается, что евгеника имеет прямое отношение и к ...животноводству. Проф. Леш в статье «Генетика и животноводство» находит между ними довольно тесную связь. По его утверждению: «Исследования в области животноводства могут иметь большое значение и для понимания проблем генетики человека, потому что методы исследования и постановка задач очень сходны между собою». Скотоводческий подход к людям — характерная особенность морганистов, вытекающая из их теоретических позиций. Поэтому-то Леш со спокойной совестью заявляет, что «...генетические различия между породами животных во многих отношениях сходны с генетическими различиями между человеческими расами».

Специалист по животноводческим вопросам явно недоволен некоторыми психологами, которые не хотят переносить в область психологии приемы животноводов. Это приводит его к пессимизму и в такие «пессимистические моменты, — пишет Леш, — я сомневаюсь в том, что человек является логически мыслящим животным». Почитав Мангельсдорфа, Леша, Гэксли и других, действительно можно усомниться в принадлежности их, как и ряда их единомышленников, к логически мыслящим существам.

Наиболее ярким примером маразма морганизма может служить статья «Генетика, эволюция и судьба человечества», принадлежащая перу хорошо известного лжеца на советскую науку — Ю. Гэксли.

С эволюцией животных и растений сей «эволюционист» (в буржуазной науке Гэксли числится ведущей фигурой по вопросам эволюции) разделяется очень просто. По его мнению, эволюция большинства животных и почти всех растений пришла к своему концу, так как специализация жизни достигла будто бы своего предела около 10 миллионов лет назад. Дальнейший путь эволюции для всего животного и растительного мира закрыт. Эволюционировать будет только человек.

Поход менделистов времен Бэтсона, Лотси и Де-Фриза против учения Дарвина кончился полным провалом. Морганисты извлекли из этого соответствующий урок. Примером может служить Гэксли, который уже не пытается «закрыть» Дарвина. Наоборот, он делает вид, что защищает дарвинизм, приветствует якобы наступившее изменение в отношении к дарвинизму со стороны морганистов. «Одним из крупнейших изменений в биологическом воззрении в течение моей активной жизни было принятие вновь естественного отбора как главного и, вероятно, единственного агента значительных эволюционных изменений и приспособлений. Ранние менделисты находили это весьма парадоксальным» и только дальнейшее развитие «менделевской генетики проложило путь к возрождению дарвинизма».

Современным морганистам не выгодно выступать против дарвинизма по двум причинам: 1. Дарвинизм завоевал себе прочное место в науке и отрицать его не выгодно, так как тем самым ослаблялись бы собственные позиции; 2. Дарвинизм в искаженном, опошленном виде нужен морганистам в качестве опоры. Фальсифицируя учение Дарвина, утри-

руя его непоследовательность и ошибки (причины возникновения изменчивости организмов, внутривидовая борьба, мальтузианство), морганисты именем великого натуралиста прикрывают свой реакционный поход против материалистической науки, против человечества. Поэтому Гэксли и нашел самым удобным для себя оставить искаженный дарвинизм и «закрыть» эволюцию, тем самым перенеся дарвинизм из области биологии, где ему больше, дескать, нечего делать, в область социологии. Таков новый трюк современного морганизма.

Сила учения Дарвина заключается как раз в том, что оно, утвердив идею развития в биологической науке, вместе с тем доказало, что эволюционный процесс т. е. развитие живой природы не прекратится на земле до тех пор, пока на ней будет существовать жизнь.

Из новой попытки ниспровержения дарвинизма современными морганистами также ничего не выйдет, как и из первого похода менделистов против этого учения. К тому же Гэксли и не оригинален, а просто повторяет своих учителей — Бэтсона, Де-Фриза и других, которые также прокламировали идею затухания эволюции. Но если и тогда подобный наскок вызвал достойную отповедь со стороны передовой науки (К. А. Тимирязев и др.), то тем более это невозможно сейчас, после победы мичуринской науки и разгрома морганизма в нашей стране. Мичуринская наука, освободив учение Дарвина от ряда ошибочных положений, подняла его на новую ступень, развивая дальше материалистическое ядро дарвинизма. Блестящим примером этого развития может служить новое решение проблемы внутривидовых отношений, а вместе с этим и новое понимание вида и путей видообразования. Уже одно это открывает перед эволюционной теорией широчайшие перспективы дальнейшего прогрессивного развития.

«Расправившись» с процессом исторического развития животных и растений, объявив этот процесс завершенным, исчерпавшим себя, Гэксли переходит к человеку. Но и человеку этот новоявленный пророк от морганизма предрекает страшную судьбу. «Человеческий род в недалеком будущем встретится с возможностью генетической дегенерации. Мы знаем, что у всех нормальных видов постоянно имеют место мутации, большая часть которых вредна». Накопление таких мутаций у человека, по утверждению Гэксли, неизбежно, поскольку этому способствуют цивилизация, медицинская помощь, общественное обслуживание. Отсюда судьба человека — вырождение, и единственный выход — стерилизация людей с «плохой» наследственностью. Вместе с Гэксли десятки американских морганистов в угоду своим империалистическим хозяевам пугают обывателя угрозой вырождения, требуют применения стерилизации, пропагандируют войны и эпидемии в качестве средств спасения человечества от вырождения.

Закон о стерилизации принят в 29 штатах США. На 1 января 1944 г. принудительно было стерилизовано 42 617 человек. Но для евгенистов эта цифра является низкой. Они считают, что только в США должно быть подвергнуто стерилизации около 10 миллионов «наследственно» неполноценных мужчин и женщин. Поэтому евгенисты требуют более активного применения закона о стерилизации. Они усиленно кричат о генетическом различии как отдельных людей, так и целых человеческих групп и недовольны тем, что к их голосу еще недостаточно внимательно прислушиваются. «В настоящее время, — пишет Гэксли, — с социальной и интеллектуальной точек зрения принято преуменьшать и даже отрицать такие генетические различия. Иногда это делается во имя демократии, или под гипнотизирующим влиянием идей американской и французской революций о равенстве людей, или в результате ошибочной трактовки христианской доктрины, или это бывает естественной реакцией на ужасы расизма и евгеники, если она рассматривается как догма, а не как прикладная наука».

Продажный лакей американских империалистов думает убедить людей в том, что рекомендуемые им аморальные, изуверские мероприятия будут лучше от того, что они прикроются флером морганистской лженауки. Но народы мира не забыли ни Майданека, ни Освенцима, где гитлеровские изверги на основе «теоретических» предпосылок того же морганизма творили свои злодеяния против человечества.

Гэксли особенно озабочен тем, что растленная верхушка капиталистического общества, разлагающаяся живо, не способна обеспечить достаточного числа потомков. «Более высокая скорость размножения низших слоев во многих капиталистических странах, вероятно, означает некоторое относительное увеличение числа более беспомощных (?) и менее предприимчивых (?) людей», то-есть тех, кто поработен и задавлен капитализмом, кто не способен к жульническим операциям на бирже, кто не крадет общественных денег, не грабит и не угнетает других людей.

Что же предлагает Гэксли? Он не прочь посюсюкать на тему о желательности повысить уровень питания, здоровья и даже образования средних людей, массы общества, «Простого человека» (Common Man) — даже с большой буквы. Но это так, для отвода глаз. Основная же задача заключается по Гэксли в том, чтобы «поднимать уровень благоденствия и преуспеяния генетически одаренного меньшинства, элиты в узком смысле этого почти оскорбительного слова», т. е. избранных людей высокой касты, которая и «должна увековечить род и традиции этой элиты».

Гэксли, не стесняясь, ставит прямо вопрос, что важнее — повышать ли уровень большинства и «тащить лучших вниз, к бесплодной посредственности» или «обеспечить этих лучших за счет массы и, следовательно, эксплуатировать массу и препятствовать ей принимать какое-либо участие в социальной жизни». Для прислужника рабовладельцев — Гэксли этот вопрос имеет один чудовищный, циничный ответ: «стремиться к минимальному благополучию для всех и к максимуму благополучия для тех, чьи таланты позволяют завладеть им».

И это гнусное человеконенавистническое заявление делает человек со званием ученого, внук знаменитого соратника Дарвина! Действительно, нет предела падению, до которого может дойти лакей от науки, готовый на любое ее извращение, лишь бы угодить своим хозяевам. В писаниях Гэксли, как в фокусе, сосредоточена вся антинародность, вся реакционность современного морганизма.

Идейный разгром морганизма является великой заслугой мичуринской науки. Разгромив морганизм — воинствующую форму современного идеализма и реакции в биологии, мичуринская наука не только спасла биологическую науку нашей страны, открыв перед ней широчайший путь прогрессивного развития и служения делу народа. Вместе с этим она нанесла сильнейший удар по мировой реакции, указав путь, по которому должна развиваться подлинно прогрессивная материалистическая наука.

Из господствующего направления, изрекавшего непрекословные истины и подчинявшего себе все разделы биологической науки, морганизм превратился в задворки науки, где находит приют все самое отвратительное и гнусное, что порождает современный идеализм в биологии. Морганисты вынуждены перестраиваться, маскироваться, изворачиваться, чтобы скрыть антинаучную, реакционную сущность своей «теории». Но никакие увертки не помогут скрыть следов тления и распада. Морганизм как направление в науке потерпел полное и окончательное поражение. И какие бы меры ни предпринимали проповедники морганизма в защиту своих лженаучных измышлений, их позиции безнадежны.